

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ

ПОЭТИКА ЛЕОНАРДА ЗОЛОТАРЁВА

Леонард Михайлович Золотарёв — поэт, прозаик, драматург, композитор. Неукротимая творческая энергия сочеталась в нём с трудолюбием и самодисциплиной. За свою жизнь он написал и издал 34 книги. Мир, созданный его литературным талантом, полнокровен, многогранен и многозвучен.

Когда-то Марина Цветаева сказала о Сергее Есенине, что он мало жил, но пропел нам песню. Леонард Михайлович подхватил есенинскую мелодию. Не случайно он вошёл в профессиональную литературу с книгой, названной «Берестяные песни». Уровень представленных в ней рассказов был по достоинству оценён орловскими литераторами. И в 1973 году Леонард Золотарёв был принят в Союз писателей. Всё его дальнейшее творчество — песня о России, о судьбе родных мест, о том, что составляет смысл жизни и предмет чаяний русского человека.

Поэт и музыкант Виктор Садовский точно отметил, что «литературные произведения Леонарда Золотарёва, будь то проза, драматургия или поэзия, пронизаны музыкой и даже развиваются по законам музыкального искусства»¹.

Книга «Вечерний звон» (Орёл, 2008) подводит итог многолетних поисков и достижений Леонарда Золотарёва как поэта-песенника и композитора. Сочинение песен было не просто увлечением, но глубокой внутренней потребностью. К большинству стихов сборника он написал мелодии сам, многие тексты положены на музыку Виктором Садовским. Показательно наблюдение, сделанное последним о Золотарёве-композиторе: «его мелодии рождаются сами, одновременно с текстом, и в этом смысле он сродни античным аздам или древнерусским певцам-сказителям»².

Хочется процитировать текст одной из песен сборника: Судьба-судьби-нушка.

Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем в сердце Хомутово,
Лежит орловский казачок Володенька,

1 Садовский В. Ф. Музыка его души. /«Орловский Вестник», 20 февраля, 2010 г.

2 Там же.

Спит крепким сном у камешка крутого.
Мы в чистом поле волю ищем...

В сюжете и образах песни чувствуется переключка с известным стихотворением Артюра Рембо «Спящий в ложбине». И это не случайное совпадение — вот строки из перевода этого стихотворения Рембо, сделанного Леонардом Михайловичем:

...И бледен он, и в тело входит холод,
От запахов уж ноздри не трепещут,
И рядом два пятна краснеют, плещут.

Первая книга стихов Леонарда Золотарёва «Глаголы» вышла в 1992 году. Этот небольшой сборник можно назвать программным. Темы, обозначенные в нём, развивались на протяжении всей творческой жизни автора. Само название книги говорит о многом. Глагол — часть речи, передающая движение, действие, выражающая активность. Он и сам активен, как стержень и движущая сила речи. Не случайно именно «глагол» — ближайший синоним «слова». Слово же — главный инструмент и оружие поэта:

Слова, слова, а нужно лишь одно.
Своё на вес, на цвет, на вкус и запах.
В строку улечься, в ритм войти должно —
Пружинистое, как сердечный клапан.
...
Глаголь же, совесть! Плавь родную речь!
Цели и рань, вставай и падай снова.
Хоть каждый день клади себя на меч,
Чтоб остро было, живо было слово.

Конечно, здесь нельзя не заметить переключку с «обжигающим сердца» глаголом Пушкина.

Эта отзывчивость Музы, её бесстрашная готовность вступать в диалог с великими писателями заметна и в прозе Леонарда Золотарёва. Именно в прозаических текстах его творческая энергия нашла себе наиболее естественный выход. Рассказ «Земля моя добрая», открывающий книгу «Лица вековая» (Орёл, 2002), начинается с эпиграфа, взятого из известнейшего памятника литературы XIII века — «Слова о погибели Русской земли»:

О светло светлая и красно украшенная земля Русская!
Многими красотоми ты нас дивишь: дивишь озёрами многими,
реками и источниками местнотимыми, холмами высокими,
дубравами чистыми,
Полями и сёлами чудными... Всего ты исполнена, земля Русская...

А вот начало самого рассказа: «Кленовым листком лежит в глубинной России земля моя с прожилками речек и большаков, на песчанисто-соломенной ткани полей, в шелестящей недрёме дубрав. Она — каких, верно, немало, а вот поди-ка отъежь, оторвься от неё хоть на время, нагрустишься, измучишься, станешь откидывать дни, километры: ну когда же, когда она за вагонным

окном?». Ощущается внутреннее родство неизвестного предка, свидетеля огненной и кровавой эпохи татарских набегов, и его потомка, наблюдающего наступление индустриальной эры, но также глубоко любящего свою землю и переживающего за её судьбу.

«Земля моя добрая» — не столько рассказ, сколько эмоциональное размышление о загадочной внутренней связи земли — человека — слова. Как сверкающими самоцветами, любитесь автор названиями деревень орловского края. Через их имена народ выражает чувство почвы, единства, правды: «Высоко одарило крестьянское вече щедрый труд на земле. Потому нарекало селения именами такими, что и взглянуть на них хочется, а не то, чтоб в них жить: деревни Трудолобовка и Счастливка, Желановка, Приятная, Щедровка, поселки Приволье, Раздолье».

Этим талантом именования, который так восхищал Леонарда Золотарёва в простых русских людях, он и сам был одарён в высшей степени. Достаточно перечислить названия его рассказов: «Ключ — колодезь», «Перепелиное поле», «Берестяные песни», «Черёмуховы холода», «Глинописец», «В парке старинном», «Мёд из подснежников». Эти «имена» сами являют ряд созвучий и образов, приглашая читателя приблизиться к миру, созданному автором.

«Липа вековая» не просто название древа или строка из народной песни. Это символ, намёк на несовершенство бытия и быстротечность жизни, переживание несвершившегося. Такая ассоциация возникает при соприкосновении с творчеством писателя от тонкого настроения его произведений. За их временными пределами и прострациями рождается гармония земной реальности и инобытия, за текстом осеивается глубинный подтекст.

Проза Леонарда Золотарёва реалистична и в то же время тяготеет к романтическому усилению, лиризму, дышит теплом. Так, в рассказе «Берестяные песни» главный герой славится необычным искусством подражания птичьему пению. Этот персонаж, работая почтальоном и доставляя людям добрые вести, также обогащает их мир музыкой. Погружаясь в гармонию высших сфер бытия, простой почтальон забывает о собственных невзгодах.

В рассказе «Звезда между яблонь» живут и соседствуют люди земные. Но судьбы их связаны с небом, с ощущением чего-то высокого, надмирного, и потому они несколько странны, таинственны. Главный герой Архип смотрит на рассвете сквозь яблоню на звезду поднебесную. Как когда-то и отец его смотрел на нее — звезду «страннопримную», что-то предчувствуя, предощущая. Тонкая ниточка, едва уловимая связь, роднящая поколения. Не только на прагматику способен герой рассказа Ковшевой, но и на олицетворение памяти, на жизнь в мире духовном, в истине одухотворения. Не будь этого, не был бы он и просто человеком, хорошим специалистом, агрономом.

Тема связи дольного и горнего миров, раскрывающаяся через судьбы и поступки обычных трудящихся людей, дополняется в творчестве Леонарда Золотарёва другой, не менее важной для него линией — вопросом русского самосознания и характера.

Здесь хочется привести в пример рассказ «Перепелиное поле». Крестьянин Михей, сам чувствуя недопомогание, спасает крошечных перепелят из-под

колёс трактора. Этот человек лишён пафоса, прост и безыскусен — поступок, который он совершает, не принесет ему одобрения. И всё же он решается поднять свой голос в защиту природы, её малых созданий, против колхозной власти. Сердечность, равнодушие, способность забыть себя в заботе о слабых и нуждающихся в помощи — вот лучшие качества, которые выделяет Леонард Михайлович у русского человека. Но эти качества могут сохраняться только благодаря связи с природой, землёй, с живыми существами, радующимися солнцу. Горькое переживание утраты этой связи — также постоянная забота писателя.

В рассказе «Ключ-колодець» выведен ещё один положительный русский тип. Иван Иванович Корнеев после лагеря возвращается в родные края и, помогая людям, копает колодезь, даёт народу живительную влагу, как надежду на лучшую долю. После суровых испытаний он находит в себе силы делать добро. Попав в беду — в завал, оказываясь один на один с подземной мглой, он до самого конца не впадает в отчаяние.

Герои Леонарда Золотарёва способны на поступок, даже на подвиг. Что выглядит выпукло, зримо; самоотверженность их необычна и в то же время естественна, как естественна и жизнь каждодневная, нравственная, держащая нас над рутинной.

С точки зрения понимания эстетики и поэтики прозы Леонарда Золотарёва интерес представляет цикл новелл «Седмицы».

Седмица по-старорусски — семь календарных дней, неделя. Здесь мы снова сталкиваемся с диалогом-переключкой с предшественниками. На сей раз — это итальянец Бокаччо. Подобно тому, как в «Декамероне» повествования вписаны во временной отрезок десяти дней и замкнутое пространство загородной виллы, в «Седмице» семеро молодых людей неделю сидят на колокольне на Перуновом холме (в месте как бы дважды сакральном) и рассказывают друг другу истории. Некоторые из этих историй имеют реальный, а некоторые — фантастический и даже мистический характер.

Стиль «Седмицы» в чём-то соотносится со стилем Андрея Платонова. А сюжеты исполнены в романтическом ключе. Но где проявляется концентрация речи для выражения ирреального мира, так это в авторских наблюдениях и замечаниях — свидетельствах мироощущения. Стиль «Седмицы», приподнимаясь над реальностью, приобретает духотворность, чувство соприсутствия ирреального, отстранённого мира. Это уже элементы иной эстетики, черты романтического реализма, когда фраза усилена, эмоционально насыщена, сконцентрирована на таинственности, загадке, фантастичности в человеке и мире, которую следует разгадать. И этому разгадыванию тайны бытия, как главной задаче нашего существования, способствует знакомство с творческим наследием Леонарда Михайловича Золотарёва.